

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-355-365

УДК 821.161.1

Традиции Н.В. Гоголя в прозе С.А. Клычкова

Т.А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

В статье рассматриваются традиции Н.В. Гоголя в прозе С.А. Клычкова. Отсутствие обобщающих трудов, рассматривающих творчество новокрестьянских писателей в контексте традиций русской классики, определяет актуальность темы. Цель работы – выявить и проанализировать общие образы и мотивы в прозе Гоголя и Клычкова. Задача исследования – выяснить, чем обусловлены творческие переключки этих писателей.

В творчестве Н.В. Гоголя и С.А. Клычкова обнаруживается общий мотив богатырства и русской силы, общий образ тройки как олицетворение судьбы родины. Но в романе С.А. Клычкова «Сахарный немец», события которого происходят в Первую мировую войну, мотив богатырства трансформируется в мотив гибели русского народа-богатыря, а птица-тройка Гоголя превращается в «последнюю тройку». Железная «немецкая цивилизация» не только губит природную утопию, но и нравственно калечит человека, делает его слугой дьявола. Образ «обманного города», которым управляет дьявол, в прозе С.А. Клычкова проецируется на «Петербургские повести» Н.В. Гоголя. В «Сахарном немце» возникают сюжетные переключки с «Невским проспектом». Материалом для сопоставления является и тема взаимоотношений человека и черта в творчестве Гоголя и Клычкова. Мирозрение Клычкова пессимистично: в «последние времена» человек не может противиться дьявольским искушениям, «князь мира» всемогущ, появляется мотив Богооставленности. В мире Гоголя власть черта имеет временные границы, победителем остается Бог, который является высшим судьей.

Результаты исследования свидетельствуют, что в прозе С.А. Клычкова присутствуют типологические сходения с творчеством Н.В. Гоголя, обусловленные концептуальными представлениями о русском национальном характере, судьбе народа и России, а также осознанная ориентация на поэтику Гоголя.

Ключевые слова: традиция; мотив богатырства; русская сила; мотив гибели; обманый город; мираж; искушение; черт; сатана

Введение

Проблема традиций русской классики в новокрестьянской литературе еще только начинает привлекать внимание исследователей. Если поэзия

© Пономарева Т.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

С. Есенина и Н. Клюева в этом аспекте неоднократно становились объектом анализа, то творческие переклички С.А. Клычкова, А. Ганина, А. Ширяевца, П. Орешина с русской классикой почти не рассматривались.

Первооткрывателем прозы С.А. Клычкова для современного читателя и нового поколения литературоведов стала Н.М. Солнцева, автор нескольких монографий о новокрестьянах и «последнем Леле» в русской литературе, предисловий к изданиям текстов писателя [11; 12]. В своих работах Н.М. Солнцева касается и проблемы традиций в творчестве С.А. Клычкова, прежде всего русского символизма. О пушкинской и лермонтовской линии в поэзии Клычкова говорилось в докладах на международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения писателя [4; 13].

Типологические схождения с русской литературой XIX века в творчестве С.А. Клычкова являются предметом анализа в кандидатской диссертации [9] и книге Н.В. Кудрявкиной «Проза С.А. Клычкова в контексте русской классики XIX века» [7], в которых рассматриваются парадигма русского национального характера и его воплощение в прозе Клычкова. Обращается Н.В. Кудрявкина и к гоголевскому сюжету [8]. Но художественный мир С.А. Клычкова настолько многослоен, что тема «Клычков и Гоголь» не может быть исчерпана в одной работе.

Обсуждение

Рассмотрим несколько аспектов сопоставления творчества Н.В. Гоголя и С.А. Клычкова:

– «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Миргорода и мифопоэтика» Клычкова, приемы фантастического;

– «Петербургские повести» Гоголя и образ города в романе Клычкова «Сахарный немец»;

– народный мир и помещичья усадьба в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя и в романах С.А. Клычкова.

При этом нужно различать типологическую близость образов, мотивов, обусловленных сходным представлением авторов о русском национальном характере, ориентацией на мифопоэтику и восточно-славянский фольклор, и осознанное обращение к гоголевской традиции.

В начале романа Клычкова «Сахарный немец» (1924 г.), действие которого происходит в годы Первой мировой войны, возникает мотив русского богатырства, отмеченный Н.В. Кудрявкиной. Он представлен и в прозе Гоголя. Клычков создает образ «крепкого народа», «крепкого и выносливого русского мужика», солдат «старых николаевских времен», о которых вспоминает рассказчик, и солдат начала XX века – «переодетых чертухинских мужиков», которыми автор по-гоголевски любит: братья Морковкины – «все как один, словно одним плотником три крепко срубленные избы, а не мужики», у братьев Голубковых «силища несусветимая» [5. С. 278–279]. Повторяющаяся лексема «крепкий» является устойчивой характеристикой физической мощи и силы русского народа.

Вспомним гоголевского каретника Михеева, у которого в плечах «такая силища, какой нет у лошади» [3], «машинища такая», или плотника Степана Пробку. Клычков, как и Гоголь, подчеркивает «братское», то есть общее, родовое, национальное качество. Для обоих писателей характерна гиперболизация физической мощи – «силища», на что указывает повторяющийся суффикс -ищ- («машинища», «силища»).

Описывая бытие живых и мертвых душ, Гоголь сохраняет веру в несокрушимость русской земли и русского народа. Гибнет Тарас Бульба, но повесть о нем заканчивается оптимистическим мотивом русской силы: «Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему! <...> Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу» [1].

Мотиву богатырства и у Гоголя, и у Клычкова соответствует мотив широкого русского простора, «когда есть место, где развернуться и пройти ему» [1].

В «Сахарном немце» «большой богатырь Буркан, сын мужичий», который ехал из Твери в Киев, «в поисках верной дороги» хотел увидеть край поля, «поднялся на стремя и не мог дотянуться до края глазами» [5. С. 328].

Тема народа, крестьянской России является стержнем трех романов С.А. Клычкова, образовавших «чертухинскую трилогию», получившую название по селу, с которым связано действие романа, а также по ключевому мотиву присутствия дьявольского начала в мире.

Мотив богатырства в «Сахарном немце», первой части трилогии С.А. Клычкова, включен в антивоенный сюжет романа и переходит в мотив гибели богатырства, «урона» родной стороны, бессмысленной убыли народа, не понимающего, за что он воюет. Гибнет не в бою, а от шальной пули один из братьев Морковкиных – Василий, «сильный, крепкий, с места не сдвинешь, как дубовый корень» [5. С. 299], убит в отхожем месте тихий Анучкин, у которого уже не будет «ни дочки, ни внучки» [5. С. 301].

Гибель, «урон» осмыслены и как нравственная порча, бессилие человека в борьбе с дьявольскими искушениями, отпадение от Бога. Упомянутый в «Сахарном немце» богатырь Буркан в задуманном продолжении «чертухинского цикла» должен был стать предводителем разбойников, убийцей барыни-ведьмы и погибнуть.

В воспоминаниях героя «Сахарного немца» Николая Дмитриевича Зайцева по кличке Зайчик «чертухинские мужики в шинелях» кажутся похожими на икону Всех Святых, «только у каждого есть что-то в лице, что искажает задуманный образ и заставляет от него глаза отвести. Словно писал Всех Святых безумный иконописец, в середине работы заменивший пособие в работе – пост и молитву – пьянством и диким разгулом» [5. С. 377]. Так появляются образы искаженной иконы, «святых чертей», персонажей, ищущих истину и правду, но не сумевших противиться козням дьявола и становящихся пособниками зла.

С темой народа и его судьбы у Клычкова и Гоголя связан ключевой образ Руси-тройки. Гоголевская Русь-тройка – воплощение безграничного русского

пространства, удали, богатейства, движения вперед, образ вселенского масштаба: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета <...> Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. <...> ...и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства...» [3].

Образ тройки у Клычкова близок по символике, но он более «домашний», более конкретный. В «Сахарном немце» появляется образ «троечника», то есть владельца и кучера тройки лошадей, Петра Еремеевича с говорящей фамилией Разумеев, которого нанимает Зайчик в уездном городе, чтобы доехать до родного села. Автор дает бытовое описание его кибитки: сено набитое в сиденье, дерюга из цветистых тряпок, закрывающая его, в ногах кожаный фартук, защищающий от дорожной грязи. Но поездка Зайчика домой становится, как у Гоголя, бесконечной: «замелькали село за селом, деревня за деревней». Петр Еремеевич, который ведет обыденные разговоры, отвечает на вопросы героя, превращается в символическую фигуру. Он не выпускает вожжи из рук ни на минуту, «и спина у него, как щит, широкий и крепкий», «он свиснет, ударит вожжей коренного по круглому задку, кибитку сразу так и сдернет с места, как будто оторвет от земли, а Петр Еремеевич протянет обе руки и вожжи напряжит – всполохнутся и запоют колокольцы, и задымятся хвосты у пристяжек...»

И кажется Зайчику, что Петр Еремеевич с такой широкой спиной, с плечами во весь облучек, с такой нарядной курчавой кромкой под войлочной шапкой, что совсем он, совсем не ямщик, а старинный чудесно воскресший гусяр, который присел на дороге среди поля и в обе руки бьет по четырем туго натянутым струнам видимых гуслей» [5. С. 327]. Описание ямщиков и полета тройки вдаль у Гоголя и Клычкова типологически родственно.

Однако мировосприятие Клычкова, свидетеля трагических событий первой трети XX века, более пессимистично, чем у Гоголя, окрашено видением «последних времен». После вышецитируемых строк о тройке Петра Еремеевича вводится образ будущего, совпадающего со временем создания романов, когда «Петра Еремеевича нет, а тройки вышли из моды». В фабульном повествовании ямщик тоже исчезнет, причем приводится множество мотивировок его исчезновения – реалистическая (сбежал, так как должны мобилизовать его коней на войну), «страшная» бытовая (удавила со злости жена и с камнем в мешке сунула в крещенскую прорубь), мифологическая, которая подается как реали-

стическая – провалился весной на Волге и теперь катает на тройке Водяного от Кимры до Твери, а перевозчики у Кимры часто слышат бубенцы.

Глава о судьбе ямщика носит название «Последняя тройка», связанное с образом уходящей Руси, исчезновением природной гармонии под напором дьявольской железной «немецкой цивилизации», нравственной порчей человеческой души. Появляется мотив Богооставленности. Петр Еремеевич считает, что дело не в сомнениях отдельного человека и его отходе от веры («люди могут блудить в вере сколько им угодно»), а в том, что Бог разуверился в человечестве: «Господь отринет лицо свое от земли и забудет о ней навсегда» [5. С. 395]. «Отринутый лик» земли уже попал под власть черта, который надел «пинжак», «идет в пристава или земские», получает чины, не гнушаясь и церковными. На земле остались лишь крошки от Бога, «боженята», которые не в силах победить зло. Без Бога оно стало повседневностью, а людей сменили «людишки».

В «Князе мира», последней части трилогии, говорится уже об изначальной дисгармоничности мира, в создании которого, по мнению повествователя, принимал участие не только Бог, но и Дьявол, чье воздействие на душу человека усиливается в «последние времена».

У Гоголя дьявольская сила также может погубить человека («Вий», «Страшная месть»), «вертеть» душами людей, которые отвернулись от Бога («Невский проспект»). Так выявляется еще один аспект сопоставления прозы Клычкова и Гоголя, связанный с образом Петербурга. Гоголевские интонации и прямые переключки с «Невским проспектом» возникают в «Сахарном немце» при описании возвращения из отпуска главного героя романа.

Тема города у Клычкова вписана в «петербургский текст» русской литературы и ориентирована на традицию Гоголя. Реальный Петроград предреволюционных лет заменяется Питером, миражным городом «выдуманных людей» – так называется подглавка, в которой рассказывается о пребывании Зайчика в столице. Впрочем, в романе нет топонима Петербург или Петроград. Есть город, Питер, в котором сатана «утрамбовал своим чугунным копытом землю» [5. С. 422].

В главе «Обращенный мир» мотивы и образы русской литературы XIX–XX веков дополняются традиционной для новокрестьян оппозицией «земли» и «железа»: «чугунное копыто» и «железная спина» сатаны, утрамбовавшего землю, «каменные корабли»-дома с железными парусами-крышами, похожими на крылья птиц, которым не подняться с земли, «красные пальцы окраин» – фабричные трубы, «выше всяких церквей и соборов», людские толпы, в которых теряется никому не нужный одинокий человек. Городом управляет сатана, «вертит всем городом из-за заставы, как шарманщик вертит шарманку», а «человек прыгает по этой земле, как резиновый шар, брошенный детской рукой» [5. С. 422].

В авторском изображении города, данного глазами героя, присутствуют скрытые цитаты из «Невского проспекта» Гоголя. Описание города, «кишащего, как трава в муравейнике», окрашено крестьянскими сравнениями, но тем не менее сопоставимо с гоголевским описанием Невского как «всеобщей комму-

никации Петербурга». Появляются поистине гоголевские типы – столичный щеголь с золотым пенсне или моноклем, питерский франт, которого с Невского не прогонишь дубиной, румяный юноша с тросточкой.

Как и Гоголь, Клычков обращается к мотиву обманной, поруганной красоты в призрачном, «меркотном» городе. У обоих писателей нежная и прекрасная женщина оборачивается «блудницей вавилонской», а неожиданные любовные приключения героев заканчиваются неудачей. Незнакомка, которую встречает художник Пискарев, «прелестнейшее существо с чудными локонами», которая могла «составить божество в многолюдном зале» или быть «тихой звездой в незаметном семейном кругу» – это мираж, в реальности она обыкновенная проститутка, глупая и пошлая, от которой Пискарев бежит, «вместо того чтобы воспользоваться такой благосклонностью» [2]. «Столь же молодая, сколь и красивая» знакомка с локонами [5. С. 424], встреченная Зайчиком, также приводит его, как и гоголевская «Перуджинова Бианка», прельстившая Пискарева, в приют продажной любви.

Зайчик тоже убежит из «высокого» (у Гоголя – четырехэтажного) дома, поняв, что тут живут ненастоящие, выдуманные люди. «Тихий, детски простодушный, носивший в себе искру таланта» [2] гоголевский Пискарев типологически близок Зайчику с его робкой и совестливой, «заячьей» душой.

В «петербургских» повестях Гоголя человек одинок, в миражном городе дружба заменяется необязательным приятельством. В «Невском проспекте» приятель погибшего Пискарева поручик Пирогов даже не придет проводить его на кладбище, одиноким пройдет по жизни художник Чартков из «Портрета».

В эпизоде встречи Зайчика с «веселым, вечно смеющимся» приятелем, прототипом которого был С. Городецкий, Клычков подчеркивает контраст благодушного настроения приятеля, вовлеченного в эту дьявольскую круговерть и не почувствовавшего душевного смятения героя, который «заблудился, словно в темном лесу» [5. С. 428]. Зайчик обретет недолгий покой только по дороге на фронт, оказавшись в знакомой солдатской атмосфере.

Автор «Сахарного немца» был призван в армию летом 1914 года и после окончания школы прапорщиков, воюя на Западном фронте, столкнулся со «злой теткой смертью» [5. С. 29]. В письме другу П. Журову, написанному 1 января 1917 года, С.А. Клычков описывает свое психологическое состояние на войне: «Первый выстрел будто разбудил, ошеломил, накинулся на меня, как вор, на дороге жизни и сделал из богача нищим. Чувство какой-то странной душевной опустошенности не покидает меня по сие время. Первое время я так мучился ею, так болел, а теперь словно легче, но уже не могу назвать себя живым человеком» [10. С. 427]. С. Городецкий же побывал на Кавказском фронте только в 1916 году «визитером» как представитель Союза городов и военный корреспондент. А уже в начале войны в «Биржевых ведомостях» была напечатана пафосная статья С. Городецкого «Воин-поэт» о Клычкове и других поэтах, ушедших на войну. Клычков обрисован в ней как солдат «с огнем войны в черных глазах», оставшийся верным музе. В «Сахарном немце» Клычков отобразил контраст трагической военной реальности, которая омра-

чила душу Зайчика, и столичного «обманного» патриотизма, «веселого» оптимизма: «Немцу насыпшем и... баста!..» [5. С. 429].

«Все обман, все ненастоящее», «все дышит обманом», – завершает повествователь «Невского проспекта» [2]. Мотив миража сопровождается образом ненастоящего света, «когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [2]. Обманному, «обращенному миру» в «Сахарном немце» противопоставлена природная утопия «Счастливого озера» и «разголубой страны», в которую верят Зайчик и его создатель, но после того, как «бросил немец на рыбацье село с летучей машины стальное, начиненное огнем, высиженное самой смертью яйцо», «искаженным и обезображенным» становится красавец-бор и печален глаз Счастливого озера [5. С. 440].

Мотив «выдумки», «обмана», миражной, ненастоящей реальности, тумана в глазах, мешающего видеть мир, двоящейся действительности, присутствия демонической силы – черта и чертенят в первом романе и «князя мира» в последнем – сквозной в прозе Клычкова. В «Сахарном немце», как и в двух других частях «чертухинской трилогии», он проявляется не только на образно-символическом уровне, но и в фабульном повествовании – в истории незавершившегося венчания «в свете и духе» Зайчика и Клаши и реального ее брака с сыном купца, чистой любви Зайчика и нечистого его приключения с бывшей невестой, которое завершается прыжком из окна и символическим катанием на свинье, в рассказах о дьяконе и других персонажах, разуверившихся в Боге и не нашедших «настоящей» веры.

Оппозиция реальность/нереальность, выдумка/правденка, миф/действительность становится главным принципом создания художественного мира С.А. Клычкова. Она проявляется на онтологическом и сюжетном уровнях как переплетение, «перепутанность» божественного и бесовского в мире и в человеке. Так возникает в романе мотив «беса в соборе», а в продолжении трилогии – мотивы оборотничества.

Этот пласт романов сопоставим с ранним творчеством Гоголя – «Страшной мезьей», «Виен». Церковь, куда отнесли гроб с телом мертвой панночки в «Виен», не дом Божий, а место шабаша нечистой силы, которая губит Хому. В церкви в Ерусалин-граде, куда пришли «правильные старцы» Клычкова в поисках Божьей правды, маленький бесенок купается в лампаде, а в пустом золотом гробу сидит лишь черный таракан. А сторож на Афон-горе говорит им, что «правда Божья у черта в батраках живет» [5. С. 436]. Нечисть в одеждах святости, мотив ложной святости у Клычкова восходят к мотиву «последних времен», наступления антихриста перед Страшным судом. Особенно отчетливо это проявится в заключительной части трилогии, романе «Князь мира».

А в первых двух романах низшая нечисть, за исключением «немецкого» черта – «сахарного карлика», губящего душу, амбивалентна, не всегда страшна для человека. Она может и погубить, навести морок, и помочь человеку. Леший Анитюттик спасает зверей, уводит их из загубленного вырубками чертухинского леса, сватает герою «Чертухинского балакиря» невесту, подобно тому, как черт у Гоголя, которому перед Рождеством «последняя ночь осталась

шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей» [1], помогает кузнецу Вакуле добыть черевички для невесты.

У Гоголя черт вынужден подчиниться человеку, и «вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен», а Вакула «выдержал церковное покаяние» за общение с чертом и на церковной стене изобразил его в аду «таким гадким, что все плевали, проходя мимо» [1]. А «великие грешники» в «Страшной мести» будут лишены царствия небесного по велению Бога.

Герои «Миргорода» верят, что «у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее станоят перед светлым воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [1]. Человек может забыть Бога и его заветы, но ему свойственно раскаяние. Бог у Гоголя не может оставить человека.

Герои же Клычкова не чувствуют присутствия Бога в современном мире или «блуждают по вере», губя себя в поисках «истинной» церкви, как мельник Спиридон Емельяныч в «Чертухинском балакире». Они не могут победить бесовскую силу, человек «метит в рай, а угодит в острог» [6. С. 449]. Заветная книга «Златые уста», символ святости и правды, в руках «святых чертей» превращается в черную книгу Дьявола.

Зайчик не в силах противиться искушению «сахарного немца» – карлика, толкающего его на убийство и провоцирующего на самоубийство; колдунья Ульяна в «Чертухинском балакире» вытесняет на свадьбе попа, губит Машу-невесту; черт в его разных обликах выходит победителем, становится князем сего мира в последнем романе «Князь мира».

Персонажи Клычкова не могут воздействовать и на «двупостасную» низшую нечисть – лешего Антютика, который то ли действительно помогает герою «Чертухинского балакиря» Петру Кириловичу сосватать невесту, то ли искушает его видением «дубенских девок»-русалок, «подсовывает» ему вместо прекрасной Феклуши невзрачную Машу Непромыху.

Заключение

Идея Бога как неосуществившегося идеала Добра, Любви и Истины жизни, природная гармония как антипод «железной цивилизации» противопоставлены в «чертухинской трилогии» С.А. Клычкова «неправедной» официальной церкви, всесилию Дьявола и законам современного бытия. В этом отличие философского пессимизма С.А. Клычкова, который объясняется его представлением о несовершенной природе человека и осмыслением трагических реалий XX века, от теодиции Н.В. Гоголя, убежденного в том, что существование зла в мире не отменяет веры в Бога как воплощения абсолютного добра и в его конечную победу.

Список литературы

- [1] *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений: в 5 т. Т. 2. Миргород. Тарас Бульба / под ред. В.Г. Базанова. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 352 с. URL: <https://russian-literature.org/author/Gogol> (дата обращения: 02 марта 2019).
- [2] *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений: в 5 т. Т. 3. Повести / под ред. В.Г. Базанова. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 438 с. URL: <https://russian-literature.org/author/Gogol> (дата обращения: 06 марта 2019).
- [3] *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений: в 5 т. Т. 5. Мертвые души / под ред. В.Г. Базанова. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 503 с. URL: <https://russian-literature.org/author/Gogol> (дата обращения: 19 марта 2019).
- [4] *Демиденко Е.А.* Лермонтовские традиции в творчестве Сергея Клычкова // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. 1889–1937. М.: Изд-во Литературного института имени А.М. Горького, 2011. С. 200–213.
- [5] *Клычков С.А.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Сахарный немец: роман / предисл. Н.М. Солнцевой; сост., подготовка текста, коммент. М. Нике, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина. М.: Эллис Лак, 2000. 544 с.
- [6] *Клычков С.А.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Чертухинский балакирь. Князь мира: романы. Серый барин: страницы из романа. Статьи / сост., подготовка текста, коммент. М. Нике, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина. М.: Эллис Лак, 2000. 656 с.
- [7] *Кудрявкина Н.В.* Проза С.А. Клычкова в контексте русской классики XIX века. Мичуринск, 2007. 252 с.
- [8] *Кудрявкина Н.В.* Традиции Н.В. Гоголя в романе С.А. Клычкова «Сахарный немец» // Вестник Тамбовского университета. 2003. № 4 (32). С. 91–97.
- [9] *Кудрявкина Н.В.* Человек и мир в романах С.А. Клычкова и традиции русской литературы XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
- [10] *Нике М.* Испытание огнем и водой (к роману Сергея Клычкова «Сахарный немец») // Клычков С. Сахарный немец. Paris, 1983. С. 427–441.
- [11] *Солнцева Н.М.* Китежский павлин. Филологическая проза. Документы. Факты. Версии. М., 1992. 431 с.
- [12] *Солнцева Н.М.* Последний Лель. О жизни и творчестве Сергея Клычкова. М.: Московский рабочий, 1993. 222 с.
- [13] *Филимонов А.* Пушкинские традиции в поэзии Сергея Клычкова // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. 1889–1937. М.: Изд-во Литературного института имени А. М. Горького, 2011. С. 214–233.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2019

Дата принятия к печати: 20 июля 2019

Для цитирования:

Пономарева Т.А. Традиции Н.В. Гоголя в прозе С.А. Клычкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 355–365. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-355-365>

Сведения об авторе:

Пономарева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета. Контактная информация: e-mail taponomareva@mail.ru

Traditions of N.V. Gogol in the prose of S.A. Klychkov

Tatiana A. Ponomareva

Moscow Pedagogical State University
1 Malaya Pirogovskaya St., bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

The article deals with the traditions of N.V. Gogol in the prose of S.A. Klychkov. The absence of generalizing works that examine the work of Novokrestyansk writers in the context of the traditions of Russian classics, determines the relevance of the topic. The purpose of the work is to identify and analyze common images and motifs in the prose of Gogol and Klychkov. The task of the research is to find out what caused the creative interchange of these writers.

In the works of both writers presented the motive of Russian heroism and Russian force. But in S. Klychkov's novel "Sugar German", the events of which take place in the First World War, the motive of heroism is transformed into the motive of the death of the Russian people. The iron "German civilization" not only destroys the natural utopia, but also morally cripples the person, makes him the servant of the devil. The image of the "the deceptive city", which is ruled by the devil, in prose of S.A. Klychkov is projected onto the "Saint Petersburg stories" by N.V. Gogol. In "Sugar German" there are plot rolls with "Nevsky Prospect". Material for comparison is the theme of the relationship between man and the devil in the works of Gogol and Klychkov.

The results of the research show that in S.A. Klychkov's prose there are typological convergences with the works of N.V. Gogol, conditioned by conceptual ideas about the Russian national character, the fate of the people and Russia, as well as a conscious orientation to Gogol's poetics.

Keywords: tradition; motive of the people-hero; Russian force; motive of death; deceptive city; mirage; devil; Satan

References

- [1] Gogol N.V. *Sobranie hudozhestvennykh proizvedenij: v 5 t.* T. 2. Mirgorod. Taras Bul'ba [Collection of literary works: in 5 vols. Vol. 2. Mirgorod. Taras Bulba] / pod red. V.G. Bazanova. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. 352 p. <https://russian-literature.org/author/Gogol> (accessed: 02.03.2019).
- [2] Gogol N.V. *Sobranie hudozhestvennykh proizvedenij: v 5 t.* T. 3. Povesti [Collection of literary works: in 5 vols. Vol. 3. Tales] / pod red. V.G. Bazanova. Moscow: AN SSSR Publ, 1959. 438 p. <https://russian-literature.org/author/Gogol> (accessed: 06.03.2019).
- [3] Gogol N.V. *Sobranie hudozhestvennykh proizvedenij: v 5 t.* T. 5. Myortvye dushi [Collection of literary works: in 5 vols. Vol. 5. Dead Souls] / pod red. V.G. Bazanova. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. 503 p. <https://russian-literature.org/author/Gogol> (accessed: 19.03.2019).
- [4] Demidenko E.A. Lermontovskie tradicii v tvorchestve Sergeya Klychkova [Lermontov traditions in the works of Sergey Klychkov] // *Sergej Antonovich Klychkov. Issledovaniya i materialy. 1889–1937.* Moscow: Literaturnyj institut imeni A.M. Gor'kogo Publ., 2011. Pp. 200–213.
- [5] Klychkov S.A. *Sobranie sochinenij: v 2 t.* T. 1. Stihotvoreniya. Saharnyj nemes: roman [Collected Works: in 2 vols. Vol. 1. Poems. Sugar German: novel] / predisl.

- N.M. Solncevoj; sost., podgotovka teksta, komment. M. Nikyo, N.M. Solncevoj, S.I. Subbotina. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000. 544 p.
- [6] Klychkov S.A. *Sobranie sochinenij: v 2 t.* T. 2. Chertuhinskij balakir. Knyaz mira: romany. Seryj barin: stranicy iz romana. Stat'i [Collected Works: in 2 vols. Vol. 2. Chertukhinsky balakir. Prince of Peace: novels. Grey sir: page from the novel. Articles] / sost., podgotovka teksta, komment. M. Nikyo, N.M. Solncevoj, S.I. Subbotina. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000. 656 p.
- [7] Kudryavkina N.V. *Proza S.A. Klychkova v kontekste russoj klassiki XIX veka* [Prose by S.A. Klychkov in the context of Russian classics of the XIX century]. Michurinsk, 2007. 252 p.
- [8] Kudryavkina N.V. Tradicii N.V. Gogolya v romane S.A. Klychkova "Saharnyj nemeц" [Traditions N.V. Gogol in S.A. Klychkov's novel "The Sugar German"] // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2003. No. 4(32). Pp. 91–97.
- [9] Kudryavkina N.V. *Chelovek i mir v romanah S.A. Klychkova i tradicii russoj literatury XIX veka* [The man and the world in the novels of S.A. Klychkov and traditions of the Russian literature of the XIX century]: dis. ... cand. philol. sciences. Tambov, 2005.
- [10] Nikyo M. Ispytanie ognem i vodoj (k romanu Sergeya Klychkova "Saharnyj nemeц") [Test of fire and water (to the novel by Sergey Klychkov "Sugar German")] // Klychkov S. *Saharnyj nemeц*. Paris, 1983. Pp. 427–441.
- [11] Solnceva N.M. *Kitezhszkij pavlin. Filologicheskaya proza. Dokumenty. Fakty. Versii* [Kitezhszky peacock. Philological prose. Documents. Data. Versions]. Moscow, 1992. 431 p.
- [12] Solnceva N.M. *Poslednij Lel'. O zhizni i tvorchestve Sergeya Klychkova* [The Last Lel'. On the life and work of Sergey Klychkov]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1993. 222 p.
- [13] Filimonov A. Pushkinskie tradicii v poezii Sergeya Klychkova [Pushkin's traditions in the poetry of Sergei Klychkov] // *Sergej Antonovich Klychkov. Issledovaniya i materialy. 1889–1937*. Moscow: Literaturnyj institut imeni A. M. Gorkogo Publ., 2011. Pp. 214–233.

Article history:

Received: 10 July 2019

Revised: 15 July 2019

Accepted: 20 July 2019

For citation:

Ponomareva T.A. (2019). Traditions of N.V. Gogol in the prose of S.A. Klychkov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 355–365. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-355-365>

Bio note:

Tatiana A. Ponomareva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of 20–21 centuries of Moscow Pedagogical State University. *Contacts*: e-mail: taponomareva@mail.ru